

МИХАИЛ ЛУБЯНСКИЙ

Трощай,
страна
чудес

Михаил Лубянский

Прощай, страна чудес

«У Никитских ворот»

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лубянский М. Н.

Прощай, страна чудес / М. Н. Лубянский — «У Никитских
ворот»,

ISBN 978-5-00095-602-1

Лубянский Михаил Никитович родился в 1937 году в д. Луковицы Ленинского района Тульской области. Окончил ремесленное училище, после чего работал на стройках Тулы. Служил в Советской армии. Последние годы работал слесарем на заводе «Штамп», откуда ушёл на пенсию по возрасту в 1997 году. Имеет публикации: 1983 г. – В этот день: сборник стихов. Москва, «Современник». 1995 г. – Коза на асфальте: сборник стихов. Тула. 1998 г. – Кураковская карьера: повесть. Тула. 2002 г. – Степная роза: сборник стихов. Тула. 2012 г. – Друзья по ненастью: стихи, рассказы. Тула. Подборки стихов в альманахе «Иван-озеро», в журнале «Приокские зори», печатался в коллективных сборниках и газетах.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-602-1

© Лубянский М. Н.
© У Никитских ворот

Содержание

Рассказы	6
Марька-тысячница	6
В карантине	13
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Михаил Лубянский

Прощай, страна чудес

Проза

Стихотворения

Рассказы

Марька-тысячница

Из соседней деревни Скрутово я вернулся, как обычно, очень быстро. Всей ходьбы туда и обратно полчаса, и народу в магазине было немного. И покупки мои были небольшие.

Мать спросила:

– Ну что там, в скрутовском магазине, новенького?

– Ничего новенького, – отвечивал я. – Всё такое же старенькое.

– А как продавщица?

– Марька-то? А что ей? Торгует!

– Значит, ничего ты не заметил, – с затаённой усмешкой сказала мать. – А вот тебя там, в магазине, заметили. Марьке ты приглянулся. Авдеиха, её мать, на прошлой неделе мне сказала:

«Это ваш сынок приходит к нам в магазин? Хороший парень. Высокий такой и стеснительный. Вот познакомить бы его с моей Марьянкой. Может, вышло бы у них что-нибудь хорошее. Глядишь, и поженились бы...»

– Вот это да! – воскликнул я, поражённый этой новостью. – Она же старая, эта Марька! Старуха!

– Ну, не такая уж старуха, – возразила мать. – Всего-то постарше тебя на какие-нибудь... Ну и что? Девка она ловкая и собой недурная. Жаль только, ославили её в деревне ни за что. А она ни в чём не виновата. За чужую вину страдает, за чужую жадность...

И мать начала пересказывать уже известную мне историю скрутовской продавщицы, историю не совсем обычную и до глупости нелепую.

Я сказал:

– Мне нет дела до всего этого. И если у вас пошли тайные переговоры обо мне, то в скрутовский магазин я больше не пойду!

Но пойти туда мне всё-таки пришлось. Голод-то не тётка... Не идти же за хлебом за семь километров в посёлок Рудничный, если можно его купить в одном километре от дома!

Марька, облачённая в белый халат, обслуживала немногих в этот час покупателей. Я присмотрелся к ней. В самом деле, не такая она уж и старая. И внешность у неё вполне приличная. Конечно, она не из числа ярких красавиц. Просто у неё хорошее русское лицо.

Мне она улыбнулась как давнему знакомому. Скрытое значение её улыбки мне было теперь понятно. Донельзя смущённый, я уложил продукты в сумку, расплатился и быстро вышел из магазина.

Приходить туда мне больше не пришлось. В первых числах июля я был призван на военную службу. Обычно призыв в армию проходил в октябре-ноябре. А тут подоспел богатый урожай третьего целинного года, и для его уборки потребовалось много молодых рабочих рук.

Антонида Авдеева, или попросту Авдеиха, жила в самом центре деревни Скрутово, в кирпичном доме старой постройки. Несмотря на свою старость, дом был добротен и тёпл. Три его окна выходили на улицу, а четвёртое смотрело в проулок. К дому, как полагается, были пристроены бревенчатые сени, и всю эту постройку покрывала железная крыша. А на задах, за домами, тянулись деревенские сады и огороды.

Хозяйка по привычке продолжала работать в колхозе. Кроме Марьки у неё была младшая дочь Лида, слабоумная от рождения. Хмурым и метельным утром, уходя на работу, Авдеиха давала поручения старшей дочери:

– Задай поросёнку еду, она сварена с вечера. Ну и сама позавтракай, и Лидочку накорми. А потом сходи в Рудничный за хлебом. Да купи кило сахару, а то кончается у нас.

Хлопоча по хозяйству, Марька мысленно повторяла слова матери: «Лидочку накорми... Вот тоже! Не с ложечки же её кормить! Взрослая уже, совсем невеста. Впору замуж её выдавать. Да кто её возьмёт, убогую!»

С домашними делами Марька покончила быстро. Осталась самая трудная часть задания – сходить в посёлок Рудничный.

Она вышла на улицу. В природе было снежно и мутно, мела слабая метель. До Рудничного надо было идти шесть километров.

Первая треть пути была самой трудной. Здесь, в открытом поле, натопанную людьми стёжку почти замело. Теряя её, Марька оступалась и проваливалась, чуть не черкая снег валенками.

Дальше дорога углублялась в лес. Здесь ветер был не так силён, и стёжку почти не замело. Идти стало легче. Безлиственный и осыпанный снегом лес был не таким пугающе дремучим, как летом.

Да и чего было пугаться? Волков в этой местности никто не видел давным-давно. А вот люди... Теперь некоторые люди стали страшнее волков. Прошлым летом, после большой амнистии, в этих лесах стало шататься много всяких бродяг. Встречали они деревенских женщин, отбирали у них хлеб и другую еду. А так больше ничего, особо не озоровали. Ближе к осенним холодам эти вольные стрелки постепенно исчезли. Многие из них вернулись, вернее, их вернули, на насиженные ими места, на нагретые их боками нары.

Подбадривая себя этими мыслями, приближалась Марька к Рудничному. Встретились ей на всём пути двое или трое прохожих. Но это были совершенно мирные, деревенские люди.

В посёлке Марька купила всё, что ей было нужно. Не удержалась она и от того, чтобы не заглянуть в промтоварные магазины. Много там было одежды и обуви, и всякого другого добра. Полюбовавшись этим изобилием, Марька отправилась в обратный путь.

Четыре лесных километра она одолела ускоренным шагом. И вот леса остались позади, и с высоты холма уже были видны окрестности родной деревни. Ей оставалось перейти через огромный безлесный овраг с долгими пологими склонами. Марька спустилась в низину, перешла мостки и стала подниматься в гору.

Далеко позади она увидела идущего вслед за ней человека. Его чёрная одежда резко выделялась на фоне заснеженного поля. Человек шёл быстро и постепенно догонял Марьку. Присмотревшись, она различила чёрную шинель с блестящими пуговицами, чёрную шапку с эмблемой и ремень с латунной бляхой. Она догадалась, что это её односельчанин Костя Овчаров, матрос Тихоокеанского флота. Марька уже знала от матери, что Костя вчера приехал в отпуск.

Услышав за спиной шаги и дыхание парня, Марька полуобернулась и сошла с тропинки, уступая ему дорогу.

– А, Марьяна! – весело приветствовал её Костя. – Вот какая ты выросла большая, не узнать! А я вот прибыл в краткосрочный отпуск. Ходил сейчас в районный военкомат, отмечился, как полагается.

– Я слышала, что ты приехал, – ответила Марька. – На сколько тебя отпустили?

– На десять суток, – доложил Костя. – Больше нам не положено.

Он старался идти плечо в плечо с девушкой, что на узкой стёжке было очень неудобно. Разговаривая, он заглядывал в лицо своей попутчицы и даже попробовал взять её за руку. Но она решительно отдернула руку.

Костя засмеялся:

– Какая ты строгая, Марьянка! Расскажи, как ты живёшь, чем занимаешься. Скажи, у тебя есть парень? Ну, как бы сказать, жених?

– Нет у меня никого, – отрезала она. – И никто мне не нужен!

– Ну, так уж совсем и не нужен? – не поверил Костя.

Он смело взглянул в румяное от мороза лицо своей попутчицы. Он залюбовался юной свежестью её лица, её строгими серыми глазами под крутыми изгибами тёмных бровей. Ему неодолимо захотелось обнять девушку и даже, может быть, поцеловать её. Он сказал:

– Зря отчуждаешься, Марьянка! Мы же с тобой с детства знаем друг друга. Почти соседи. Вот я скоро отслужусь и приеду, и тогда, может быть, мы с тобой станем самыми близкими друзьями. А, Марьянка?

Он взял девушку за плечи и повернул к себе лицом. Она свободной рукой упёрлась ему в грудь.

– Пусти, чёрт! Я вижу, ты в Рудничном успел выпить. Осмелел! Убери руки!

Костины флотские ботинки ёрзнули на скользком месте, и он упал в сугроб, увлекая с собой и Марьку.

Барахтаясь в рыхлом снегу, они поднялись на ноги. Марька подхватила свою сумку и скорым шагом пустилась к деревне, которая была уже совсем близко. Поспевая за ней, Костя говорил извиняющимся тоном:

– Ну не сердись, Марьяна! Я же не нарочно. Так получилось... Он сделал попытку отряхнуть от снега Марькино пальто и помочь ей нести сумку. Ему хотелось о многом рассказать ей: о службе на боевом корабле, о дальних странах, в которых ему пришлось побывать.

Разговора не получилось. Марька торопливо повернула к своему дому. И Костя пошёл к себе домой.

Антонида, увидев дочь, всплеснула руками:

– Марьянка! Что это с тобой?

Марькино пальто было вывалено в снегу, тёплый платок сбился набок, волосы растрёпаны. Верхняя пуговица пальто была оторвана и потеряна.

– Это всё Костя Овчаров, – досадливо ответила она. – Упали мы с ним. Пуговицу вот потеряла из-за него... оторвалась!

– Как так упали? – ужаснулась Антонида. – Что значит упали? Что он хотел с тобой сделать? И пуговицу оторвал!

– Да ничего он не хотел. Как-то так получилось, – Марька уже пожалела, что нечаянно выдала Костю.

– Не-ет, ты молчи! – притопнула Антонида. – Я эти шутки знаю! Это ему даром не пройдёт. Он что думает, если у девушки нет отца, то можно над ней охальничать? Я сейчас же пойду и всыплю ему как следует!

Такого поворота дела Марька не ожидала.

– Не ходи, мама. Не срамись из-за пустяков и меня не позорь. Но старая Авдеиха расходилась не на шутку. Костину мать она увидела около её дома и налетела на неё рассерженной гусыней.

– Ты знаешь, что твой Костыка сейчас хотел насильничать мою Марьянку? Где он там прячется? А ну, давай его, шкодника, сюда на расправу!

– Как насильничать? – Овчариха от растерянности выронила лопату, которой отгребала снег от калитки.

– А так! Очень даже просто! Значит, так: завтра с утра вчетвером идём в Рудничный. Я со своей дочерью, и ты со своим сыном. Вот там, в районной милиции, пусть он расскажет, чего он домогался от моей Марьянки!

– Как в милицию! Зачем в милицию? – помертвела Овчариха. – Может, пошутил он. А ведь посадят парня. Ему ещё дослуживать надо!

– Будет дослуживать в другом месте, – мстительно усмехнулась Авдеиха. – А ты будешь десять лет носить ему передачи!

– Тоня! – взмолилась Овчариха. – Ну зачем же так сразу? Может, мой сын и виноват. Но не настолько, чтобы с этих лет портить ему жизнь. Ну, поиграл он. Молодая кровь... Разве мы с тобой не были молодыми? Неужели мы не можем уладить это дело по-хорошему?

– Ладно, – смягчилась Авдеиха. – Так и быть. Дашь мне тысячу рублей, и замнём эту неприятность.

– Дам, дам тебе тысячу рублей! – заторопилась Овчариха. – Но не сразу. У меня сейчас нету.

– Ну что ж, – снизошла Авдеиха. – Я подожду. Но смотри, никому об этом ни слова!

На этом и разошлись. Войдя в дом, Овчариха ничего не сказала сыну. Не хотела портить ему отпуск.

Денег у неё действительно не было. Овчариха взяла в долг у другой соседки, но не сказала, зачем её срочно понадобились деньги. А чтобы поскорее вернуть долг, решила продать корову. Об этом она объявила по соседним деревням.

При всей секретности этой сделки, жители деревни непостижимым образом узнали о ней. По Скрутову поползли нехорошие слухи. Вечерами в клубе Костя ловил на себе многозначительные взгляды, замечал скрытые усмешки и перешёптывания. Повышенный интерес к своей персоне он объяснял тем, что не часто на здешнем сухопутье увидишь бравого моряка-тихоокеанца.

Однако деревенские товарищи открыли Косте глаза на то, о чём он сам до поры не догадывался. Рассказали ему, в какую нехорошую историю он влип, сам того не желая. А когда к ним во двор пришли покупатели и увели корову, он ясно осознал всю глубину своего падения.

Ходить вечерами в клуб ему уже не хотелось. С Марькой он больше не виделся. Обоим было стыдно друг перед другом, и они старательно избегали встреч.

Мать ничего не говорила ему и только тяжело вздыхала. Костю угнетало чувство вины перед ней. Едва досидев до окончания отпуска, он с чувством облегчения уехал к месту своей службы.

– Вот и отгостил сынок, – вздохнула Овчариха. – Отгостил и корову со двора свёл. Ладно, пусть служит спокойно. А корову я себе ещё наживу.

В зимний субботний вечер в скрутовский клуб пришли парни из соседнего села Запрудного.

Всё было как обычно: привозное кино, а потом танцы под радиолу. Один из гостей подошёл к Марьке.

– Потанцуем?

Они вышли на круг. Гость поинтересовался, как зовут его партнёршу, и назвал своё имя. Потом почему-то спросил:

– А ты это чего пришла в клуб в валенках?

– Что же тут такого? – возразила Марька. – У нас тут все в валенках.

– Ладно, не обижайся, – примирительно сказал гость. – Это я так. Какое мне дело до твоих валенок! – И добавил:

– А вообще ты мне нравишься.

Он танцевал с Марькой и во второй, и в третий раз. И вызвался проводить её до дома после танцев. Она не возражала.

Выждав момент, к нему подошли скрутовские ребята.

– Ну что, земляк, нравится тебе наша Марька?

«Ага, начинается, – смекнул запрудненский гость, заранее сжимая кулаки в карманах. – Сейчас будет дело!»

И его дружки встали у него за спиной.

– Ну, допустим, нравится, – ответил он с вызовом. – А что?

– А то! – сказали ему. – Может, у твоей матери есть лишняя корова?

– Какая ещё корова? При чём тут корова?

– А вот при том! – объяснили ему. – Остерегайся!

С Марькой этот парень больше не танцевал. И провожать её не пошёл.

«Валенки мои ему не понравились, – обидчиво подумала она. – А сам-то, пижон этакий, пришёл в кирзовых сапогах!»

На неделе она купила себе в городе туфли и капроновые чулки. В этих обновках она выглядела не хуже всякой городской модницы.

Вечером под выходной в скрутовский клуб пришли те же ребята. Но Марькин запрудненский знакомый ни разу даже не взглянул на неё. И его товарищи её сторонились.

Марька всё явственнее ощущала вокруг себя напряжённое поле отчуждения и неприязни. Она вполне осознавала причину такого отношения к ней. «Разве я в чём-нибудь виновата? – тайком утирая невольные слёзы, спрашивала она себя. – Нет на мне никакой вины. А ведь ничего никому не докажешь. За что мне такая кара? Нет, не дадут мне здесь житья!»

Так прошёл год... и второй, и третий.

Многие Марькины ровесницы и даже девушки помоложе успели выйти замуж. А Марьку кавалеры всё так же обходили стороной.

Костя Овчаров отслужился и вернулся домой. В родной деревне он пробыл недолго. Вскоре он поступил на работу в городе и жил там, иногда по выходным приезжал к матери.

Однажды скрутовские жители услышали хорошую для них новость: районное начальство решило открыть у них в деревне продовольственный магазин.

Специального помещения для этого в деревне не было, и строить его никто не собирался. Обратились всем миром к Антониде Авдеевой: не согласится ли она разместить магазин в своём доме? Дом у неё по деревенским меркам просторный, и семья добропорядочная. А обязанности продавца вяла бы на себя Марька. Всё-таки грамотная, окончила семь классов.

Антонида на это предложение согласилась, а Марька взялась работать у себя на дому продавщицей.

Над входной дверью авдеевского дома укрепили вывеску с надписью: «Магазин». И ниже буквами помельче: «Рудничненский райпищеторг».

Просторную горницу разгородили на две части прилавком. Бóльшая часть, при входе, стала торговым залом для покупателей, а в меньшей, у задней стены, соорудили полки для товаров.

Марька в свежем белом халате проворно обслуживала публику. С народом она была вежлива, с гирями и весами не мухлевала и сдачу отсчитывала аккуратно. А слабоумная Лида, принаряженная, сидела в уголке рядом с сестрой и таращила глаза на посетителей.

Обитатели Скрутова и соседних деревень быстро оценили посланный им подарок судьбы. Теперь они были избавлены от необходимости ходить за покупками в районный центр. Дважды в неделю в магазин завозили всё необходимое.

Так Марька стала видным человеком в деревне: и продавцом, и завмагом одновременно. Её сразу зауважали.

Народ в магазине толпился с утра до вечера. Покупатели активно опустошали магазинные полки. Они раскупали хлеб и макароны, крупу и муку, сахар и соль. Бутылки со спиртным тоже не застаивались. Тут же, у столика в углу, мужики разливали по стаканам водку, торопливо выпивали и закусывали. Кроме местных в магазин заезжали и дальние люди. У коновязи перед домом постоянно можно было видеть две-три подводы.

Летом в Скрутово приехала партия геологов, чтобы бурить скважины в поисках чистой воды. Бурильщики поселились в вагончике на краю деревни. Воду для питья они брали из колодца, а за продуктами приходили в магазин.

Старший группы, молодой техник Жора, зашёл в магазин и разговорился с Марькой.

– Не скучно тебе жить здесь, в деревне? – спросил он её.

– Скучно, – призналась она, – но я привыкла.

– А со мной в город ты поехала бы? Поженимся и будем жить как все добрые люди.

– А почему бы и не поехать? – ответила она. – Если всё всерьёз и по-хорошему, то поеду. Сговор состоялся. Но деревенские жители, узнав об этом, встревожились.

– Это что же получается? – забеспокоились они. – Увезёт он нашу Марьку к себе в город, а в магазине-то кто будет работать? Не так-то легко найти нового продавца. Мало кто на это согласится. Заглохнет наш магазинчик!

Нужно было что-то делать. Деревенские парни начали подзуживать Жору:

– А известно ли тебе, мил человек, что наша Марька – тысячница?

– Это как? – заинтересовался Жора. – Она что, надоила тысячу литров молока? Или намолотила тысячу пудов зерна?

– Да нет, – объяснили ему. – Тут дело совсем другое!

– Вот оно что, – заметно огорчился Жора. – Действительно, мама у неё шельма. Да ведь не с мамой мне жить, а с дочерью. А она ни в чём не виновата.

– Конечно, не виновата, – не унимались острословы. Особенно усердствовали друзья Кости Овчарова, не забывшие нанесённую ему обиду.

– А ты заметил, что правый глаз у неё косит? Она же им ничего не видит. И на одно ухо она глухая. И операцию она ещё в детстве перенесла такую, деликатного свойства. Ей детей рожать нельзя. Из-за этого её и замуж никто не взял!

Скрутовские сплетники сделали своё чёрное дело. Ходить в магазин геолог Жора перестал.

Авдеиху с годами всё сильнее мучили угрызения совести.

«Что я наделала! – горько каялась она. – Польстилась на чужие деньги, заработала себе дурную славу и испортила дочери жизнь. У её ровесниц дети уже пошли в школу, а она засиделась в девках!»

Марьке она сказала:

– Я вот что придумала. Давай купим себе дом в городе. Денег у нас теперь достаточно. А свой продадим».

– Давай, мама, – охотно согласилась Марька.

Всё у них так и получилось. Они переехали в город. На новом месте Марька устроилась на работу по своей специальности. И если в деревне она старалась работать честно, то здесь научилась ловчить. Пупки с остатками шпаката с колбасных батончиков она не срезала, а пожелтевший наружный слой с брикетов масла не удаляла, а умело перемешивала его с основной массой и пускала в продажу. Покупатели, не избалованные изобилием продуктов, не порядок видели, но помалкивали.

Авдеиха стала часто болеть и осенью слегла окончательно.

Перед смертью она винулась перед дочерью:

– Виновата я перед тобой, Марьянка, очень виновата! Словно умом я повредила, позарила на чужое. И тебе всю судьбу искалечила!

После похорон матери Марька пристрастилась попивать горькую. С мечтами о замужестве она распростилась окончательно. Подъезжали тут к ней женихи, да всё не те: один – изгнанный из семьи пропойца, а другой – вдовец с кучей детей. Зачем ей такой хомут на шею? Лучше уж доживать свой век одной. Вернее, вдвоём с придурковатой сестрой, которая ест без меры и жиреет от безделья. Целые дни она просиживает на мягком диване, тупо уставившись в телевизор.

– Лид! – окликает её Марька. – Ты бы хоть пол подмела!

– Щас, подмету, – с брезгливым выражением лица отвечает та, нехотя поднимаясь с дивана.

Перед сном Марька закрывается в своей комнате и полуголая сидит перед огромным зеркалом. Любуясь собственным отражением, она нанизывает на пальцы дорогие кольца и перстни. Шею её приятно холодит золотая цепочка тонкого плетения, с красивой брошью в виде сердечка. А в ушах у неё блестят красивые серьги с бриллиантами. Долго сидит она, красуясь сама перед собой, вознаграждая себя таким образом за бедную жизнь в юности.

Осенними вечерами, лёжа на кровати, думает она бесконечную думу о капризах судьбы, о том, как досадная случайность способна повлиять на всю жизнь человека.

Она смотрит на голые тополя за окном, один вид которых нагоняет на неё неизъяснимую тоску.

«А ведь эти деревья я посадила, когда мы только поселились здесь, – вспоминает она. – Тонкими прутиками я привезла их из родной деревни и посадила в память о ней. И вот они выросли выше двухэтажного дома. И когда они успели так вымахать? Сколько же лет прошло – неужели двадцать пять? Да, четверть века! Что ж, они ещё молодые. Им ещё расти и расти. А мне теперь осталось только одно – стареть и доживать свои годы в соседстве с ними».

В карантине

Занесла же меня судьба в эту Чулковскую слободу! Вот уж не думал, что мне придётся ездить туда в такую даль с другого конца города! А причиной тому оказалась черноглазая и стройная Эльмира, недотрога и гордячка, с которой я недавно познакомился на танцах.

В начале лета мы шли с Эльмирой по улице Гармонной, на которой она живёт. Улицу эту составляли два рода одноэтажных деревянных и кирпичных домиков. Проезжая часть была недавно засыпана дробленым шлаком, который ещё не успели прикатать. Я-то был привычен к ухабистым дорогам, а белые туфельки моей подруги страдали от неудобства. Шлак, ещё не успевший остыть, ударял в ноздри кислым и смрадным угаром.

Смеркалось. В окнах домов зажглись первые электрические огни.

Около одного из домов на скамейке сидели парень и девушка. Эльмира по-приятельски поздоровалась с ними. И я тоже сдержанно кивнул.

– Это Федя Казюков, – сказал мне Эльмира, когда мы отошли. – А с ним рядом Тоня, его подруга. Можно сказать, невеста. Они живут рядом. Это близко от нашего дома, только на другой стороне улицы. Мы все тут соседи. С детства вместе росли и дружили.

В продолжение лета, проходя по Гармонной с Эльмирой или без неё, я не раз видел Федю и Тоню. При свете дня я хорошо рассмотрел и запомнил их обоих. Я уже здоровался с ними, как с давними знакомыми.

Федя был крупен телом, белобрыс и лобаст. Чувствовалась в его фигуре немалая физическая сила, угадывался и характер. А Тоня казалась лёгкой на взгляд, миниатюрная и белокурая.

Только в третью встречу я осмелился и спросил у Эльмиры:

– Откуда у тебя такое необычное имя? Она усмехнулась:

– Известно откуда. От папы и мамы.

– А мне было подумалось, – признался я, – что ты нерусская.

Это имя встречается где-то у Пушкина... Эльмира меня поправила:

– У Пушкина встречается Земфира, цыганка. Надо знать классику. А я чисто русская. И родители у меня русские.

Федя всегда отвечал на мои приветствия, в отличие от его дружков, которые часто кучковались возле него и весьма подозрительно поглядывали на меня, как на чужака на своей улице.

Тогда я ещё не подозревал, что судьба скоро сведёт меня с Фёдором Казюковым очень близко.

В первых числах июля меня призвали на военную службу. На областном сборном пункте, среди многочисленной толпы новобранцев, я увидел Фёдора Казюкова.

– Ба! – бодро воскликнул он, пожимая мне руку. – Вот кому не пропасть! Хоть и призвали нас в разных районах города, а судьба свела нас здесь!

Сдерживая вздох сожаления, я сказал:

– И чего это нас так рано забрали? Куда такая спешка? Казюков взглянул на меня снисходительно:

– А ты разве не знаешь? Все это знают. У меня есть человек в нашем военкомате. Он мне шепнул по секрету: «Поедете на целину, на уборку урожая». А куда нас определят после щелины, она промолчала, уборщица! Военная тайна! Не положено!

– Выходит, будем служить вместе? – предположил я.

– Выходит, что вместе, – кивнул Казюков.

Описывать наш путь на целину было бы долго и скучно. Мы лишь повторяли судьбу миллионов людей, живших задолго до нас. Тогда огромные массы людей ехали в товарных вагонах навстречу неизвестности, под обстрелами и бомбёжками. А мы ехали с запада на восток,

по мирной земле, почти как туристы. И были мы молоды, одинаково острижены и помыты, и одеты в солдатское обмундирование.

Колонна, в которой я оказался вместе с Казюковым, состояла из ста новобранцев, пяти старослужащих сержантов и двух офицеров.

Из Атбасара нас привезли на грузовых машинах в новообразованный зерносовхоз имени Николая Гастелло. Его центральная усадьба состояла из двух рядов типовых одноэтажных домов. На улице было голо, нигде ни дерева, ни куста. И людей почти не было видно.

Дирекцию нашли сразу по красному флагу над входом. После недолгой остановки колонну повезли дальше в степь. Ещё целых полчаса ехали по гладкой и накатанной грунтовой дороге. С обеих сторон на неё нависали колосьями сплошные посеы ещё не созревшей пшеницы. А высоко в небе горело и плавилось степное солнце, особенно жаркое в этот послеполуденный час. Восходящие от нагретой земли потоки воздуха дробили и размывали далёкий горизонт.

Наконец колонна остановилась в месте, указанном представителем совхоза. Солдатам приказали сойти с машин. Часть их занялась выгрузкой военного имущества, а другие начали устанавливать палатки.

Перед вечером начальник колонны приказал своей сотне построиться. Он сказал:

– Напоминаю всем, кто ещё не усвоил. Я капитан Гришаев. Мне тридцать восемь лет. Я участник войны, фронтовой десантник. А это мой помощник, старший лейтенант Рябков.

Старший лейтенант никаких речей не произнёс.

Роту солдат, выстроенных по ранжиру, разделили на четыре взвода. К каждому взводу приставили по одному сержанту.

Фёдор Казюков был подороднее меня телом и помощнее. Но рост у нас был одинаковый. Так мы оба оказались в первом отделении первого взвода.

Место, где остановилась колонна, заметно выделялось среди ровной степи, сплошь засеянной яровой пшеницей.

Это была неглубокая округлая низинка, словно вдавленная в землю упавшим с неба тяжёлым предметом. На дне этой низинки кудрявился молодой ивняк, в окружении которого блеснул небольшой прудик. Вода в нём удерживалась чуть заметной насыпью вроде плотинки. Ниже пруда на откосе стоял единственный дом, сложенный из камня и покрытый шифером. В ложбинке перед домом был устроен колодец. Позади дома, в отдалении, стоял сарай, построенный из таких же материалов.

В доме жила семья совхозных механиков или две семьи. Иногда там мелькала женская фигура. Офицеры пошли представляться своим соседям. Солдатам ходить туда было незачем.

Походную кухню установили чуть в стороне от палаток. Ближе к вечеру капитан сказал:

– Сегодня придётся обойтись сухим пайком. Старшина, выдай личному составу консервы и сухари. А завтра к утру должен быть сварен полноценный завтрак. Командир первого взвода, выдели двух человек в наряд на кухню.

Отрищенко, наш взводный, выкликнул Казюкова и меня. И при этом уточнил:

– Старшим наряда назначается Казюков!

Казюков, как ответственный, обратился напрямую к начальнику колонны:

– Товарищ капитан, а чем же топить кухню? Дров-то нет! Капитан ответил:

– А вон, видите, в ложбинке растёт ивняк? Рубите и топите. Старшина выдаст вам инструмент. Смоляков, дай им топор и пилу.

Старшина Смоляков, вручая Казюкову топор, провёл пальцем по его лезвию.

– Туповат маненько, – вздохнул он. – Но ничего, рубить можно. Передавая мне ножовку, довольно старую, он добавил:

– Тоже маненечко туповата. Ну ничего, как-нибудь управитесь. Капитан напутствовал нас:

– Действуйте, проявляйте солдатскую инициативу. Туляки нигде не теряются. Как только куда-нибудь приедут, сразу начинают обживаться по-хозяйски. А дрова мне в дирекции обещали, завтра привезут.

Сначала было нужно наполнить котел водой. Мы с Казюковым взяли четырёхведёрный алюминиевый бачок и отправились к колодцу. Ходить пришлось несколько раз. И хоть мы оба были привычны к физическому труду, носить воду было далековато и тяжеловато. Приходилось делать остановки и меняться местами, давая по очереди отдых уставшей руке.

Вода в котле прибывала, а в колодце быстро убывала. Мы уже цепляли ведром за дно. Вряд ли это могло обрадовать обитателей дома. Но мы об этом не думали. Мы думали о том, как подстойнее выполнить порученное нам дело.

Наполнив котлы, мы пошли к зарослям кустарника. Странно, что там не оказалось ни одного взрослого дерева. И не было обычного в таких местах сухостоя и валежника. Похоже было, что этот ивняк вырос здесь не очень давно и ещё не успел набрать силы. Самые взрослые кусты были не толще черенка лопаты.

Мы рубили кустарник и таскали его к кухне. Казюков чертыхался:

– Разве это дрова? Разве заставишь их гореть?

Нужно было ещё разделить эти дрова на короткие полешки, чтобы входили в топку. Рубить приходилось прямо на земле. Вот если бы подложить под них какой-нибудь чурбачок! Да где же его возмёмшь?

Повар, назначенный из солдат второго взвода, глядя на наши усилия, разочарованно покачивал головой.

Когда стало смеркаться, Казюков кивком головы поманил меня за собой. Не выпуская из рук свои рабочие инструменты, мы окольным путём направились к стоявшему на отшибе сараю. На массивной, обитой железом двери сарая висел ржавый замок.

С помощью заранее припасённого обломка стальной проволоки Казюков быстро отомкнул его. Наверное, имел опыт в этих делах.

Внутри сарая было почти темно.

Попривыкнув к темноте, мы увидели сваленные там ржавые бороны, железные бочки и прочий хлам.

Соорудив из бочек некую пирамиду, Казюков поднялся под крышу и с помощью топора начал выламывать стропильную балку.

– Что ты делаешь? – попытался остановить я его. – Это же совхозное имущество!

Он возразил:

– Да ничё это не имущество. Этот сарай и дом строили саратовские немцы. Потом их куда-то угнали.

Я хотел уточнить у своего просвещённого друга, откуда он всё это знает, кто такие саратовские немцы. Но разговаривать было некогда.

– Не разевай рот, помогай! – прикрикнул Казюков.

Я стал помогать. С глухим стуком балка стукнулась о землю. Мы подхватили это сухое и пыльное бревно и вынесли наружу, Казюков повесил на место замок и закрыл его. Мы взвалили на плечи свой трофей и пошли обратно к кухне. Кажется, нас никто не заметил.

Сухое сосновое бревно мы разделили быстро. Повар, глядя на нашу работу, повеселел.

– Это совсем другое дело, – одобрил он. – Затопим в четыре часа, с запасом. Ещё неизвестно, как пойдёт дело. Сейчас я отпускаю вас отдыхать. Покажите мне ваши места в палатке, чтобы я мог разбудить вас без лишнего шума.

Как и было условлено, в четыре часа мы затопили. Когда нагорел жар от сухих дров, сверху положили сырые. Они пузырились соком на срезях, подсыхали и тоже начинали гореть.

Нужный градус в топке мы нагнали, и вот уже вода в котле начала закипать. Это для каши. В другом котле кипяток предназначался для чая.

Небо над степью посветлело. Палаточный городок был объят сном. Не было видно и караульных, назначенных всю ночь обходить стоянку.

Кругом, во все четыре стороны, колыхалась под утренним ветерком созревающая пшеница. И начинало казаться, что эта пшеница выросла здесь сама, без участия человека. Будто она веками так и росла, и отмирала осенью, и возрождалась весной.

И странно думалось в этот час, что где-то там, в невозможном далеке, живут и дышат большие и малые города с миллионами жителей. Как далёкая сказка, как полузабытое сновидение, вспоминалась прежняя жизнь в родных местах.

Робко зазвучали голоса птиц, названия которых нам были неизвестны. Из степи повеяло дурманящим запахом полыни.

– А знаешь, – вдруг сказал Казюков, – ребята на нашей улице хотели тебя подметелить. Дескать, что это за чужак ходит здесь так смело, как у себя дома? Надо его проучить! Но я им сказал:

«Не трогайте этого малого!» Они и отхлынули. Они меня слушаются. Я их вот так держу! И он для убедительности крепко сжал кулак.

«Конечно, – подумал я, – они бы отметили. Их было вон сколько, а я один. А Фёдор молодец, уберёг».

Повар отмерял по норме перловую крупу, готовясь засыпать её в котёл.

В шесть часов по сигналу подъёма солдаты начали выбегать из палаток. Каждый из сержантов построил свой взвод и повёл на пробежку. За этим следовали физические упражнения и умывание у прудика.

Завтрак прошёл чётко и организованно. Солдаты подкрепились горячей кашей с каспийской килькой из жестяных банок и запили сладким чаем с чёрными сухарями.

Начался обычный трудовой день. Нам ещё предстояло сварить обед. А это первое и второе и компот из сухофруктов. Больше работы, и больше потребуется дров. Хватит ли? Да ещё надо было начать варку ужина под новую смену.

Обед был сварен нами без задержки. А ужин мы доваривали последними дровами.

Сменить нас пришли два парня из «низкорослого» четвёртого взвода. С одним из них Казюков был знаком давно – это был Владимир Захаров, сын окультивиршейся цыганской семьи. Ребята жили на соседних улицах и учились в одной школе.

– А чем же топить кухню? – спросил Захаров.

– А вон, видите? – кивнули мы. – Видите, растут кусты? Вот вам и дрова. А вот вам пила и топор.

– Ну, это не разговор, – обиделся Захаров. – Я видел, что у вас были хорошие дрова, где вы их раздобыли, Федя?

– Ну ладно, – смягчился Казюков. – Тебе, Вовка, как старому другу, приоткрою тайну. Только вы не берите там всё подряд, а выбирайте через одну. А то ведь получится обвал. И смотри, мора, если ты там попадёшься, на меня не кивай!

Колонна жила по армейскому распорядку. Хлеб ещё не созрели, и настоящей работы пока не было. Солдаты занимались благоустройством своего городка и самообслуживанием. А в остальное время сержанты обучали их строевой ходьбе.

Сержант Григорий Отрищенко показал себя мужиком въедливым и занудным. При своей украинской фамилии, родом он был из Челябинска.

Вот по сухой степной траве взвод идёт строем в колонну по три. Сержант командует:

– Пичугин, запевай!

И запевала, обладатель самого зычного голоса во взводе, начинает недавно выученную нами песню:

Мы идём дорогой полевой
На ученье с песней полковой.
Хорошо, хорошо в стране советской жить.
С боевою славой, славою дружить!

Потом сержант требует песню, которая ему самому въелась в поры за три года службы:

Крылатый флот, воздушная пехота,
Страны родной десантные войска!

Отрадный час наступал для солдат, когда можно было искупаться в прудике. Они входили в мутноватую тёплую воду, и над прудиком слышался плеск и гогот сотни здоровых солдатских глоток. Прудик был мелок и тесноват для такого количества купающихся, и вода была порядочно взбаламучена. Но всё же там можно было найти уголок, чтобы помыться и прополоскать свою пыльную робу и успеть высушить её до захода солнца.

До вечера ещё оставалось время, и солдаты заполняли его чем могли. Никаких культурных мероприятий им никто не обещал. Ни о каком радио не приходилось и мечтать, и газет им никто не присылал.

Старшему лейтенанту Рябкову было поручено провести политическое занятие с личным составом. Солдаты сидели кружком на земле, а лектор шпарил по книге:

– Гитлер сказал: «Советский Союз – это кóлос на глиняных ногах». Дескать, стоит дать ему хорошенько, и он развалится.

– Помилуйте, товарищ старший лейтенант! Там было названо слово «колóсс», а не «кóлос»! Огромная разница!

Никто не вызвался поправить лектора, никто не задал никаких вопросов. Так и осталось неясным – понимал ли он сам то, что читал?

По вечерам во втором взводе играла гармошка, и оттуда неслись разухабистые песни.

Рыбу я ловила.
Уху я, уху я, уху я варила.
Сваху я, сваху я, сваху я кормила.
Рубаху я, рубаху я, рубаху я шила.
Жениху я, жениху я, жениху дарила.

Это разливался там некий Жарков.

А в первом взводе были свои таланты. Василий Красулин обладал несомненным даром комического актёра. Вдвинув пилотку в одну сторону, ремень с бляхой в другую, он изображал разговор пьяных.

– Нет, ты меня уважаешь? Нет, ты меня понял, да?

Очень живо у него это получалось. Публика воспринимала эти сценки с большим одобрением.

Красулин вообще говорил афоризмами. Например: «Болезней всяких много, а здоровье только одно!» Эта общеизвестная истина произносилась с таким уморительным выражением, что невозможно было удержаться от смеха. А если между кем-нибудь возникала ссора, Василий спрашивал: «Ну что вы ругаетесь? Разве у вас рук нету?».

И ссора прекращалась.

Иногда солдат небольшими группами посылали на центральную усадьбу и в другие места. Они расчищали ток и убирали всякий хлам.

Из одной такой поездки Красулин вернулся с новостями.

– Вы ещё не слышали? – начал он. – Тут в соседней колонне, у москвичей, один салага нажрался мыла. Хотел таким образом отмотаться от военной службы.

– Это ещё что! – подхватил Виктор Бабушкин, парень тоже чулковский. – В другой колонне один ловкач прыгнул с копны, держа вилы зубьями к себе. Циркач этакий! Не рассчитал и напоролся грудью на зубцы. Отвезли его в город в больницу, и ещё неизвестно...

Наши тоже отличились. Хорошо ещё, что не из нашего взвода, а из третьего. Возвращалось это отделение, человек восемь, с работы на обед. Встретилась им бахча с недозревшими арбузами. Разломил одни на пробу, а внутри оказалась безвкусная белая мякоть. Тогда наши удалцы начали наподдавать эти арбузы сапогами. Десятка два побили и потоптали. Об этом хозяева бахчи немедленно пожаловались начальнику колонны.

– «Арбузники», выходи! – крикнул капитан. – Как же вы до этого додумались? Опозорили армию и меня посадили задницей в лужу. Ну, погодите у меня!..

И ещё долго, как только где-нибудь намечалась тяжёлая и грязная работа, капитан вызывал провинившихся:

– «Арбузники», выходи!..

Когда затихал шум и гам у соседних палаток и устанавливалась относительная тишина, запевал Фёдор Казюков. Оказалось, что у него красивый и сильный голос, настоящий баритон. Чаще всего он исполнял свою любимую песню «Что так сердце растревожено».

Но не силой голоса и не громкостью очаровывал певец своих слушателей. Такая задушевная песня не предназначена для громкого исполнения. Звучали в неё нотки грусти по родным местам и затаённая любовь к далёкой подруге.

Все преграды я смогу пройти без робости.
В спор вступлю с незвгодою любой,
Укажи мне только лишь на глобусе
Место скорого свидания с тобой.

Песня крепла и ширилась, и летела над степью, над колючим ворсом поспевающих колосьев, и колебала тончайшие нити паутины, протянутые в воздухе, – первые предвестники осени. Она уносилась за горизонт, словно стремилась достичь слуха той девушки, которой была посвящена. И может быть, там, вдалеке, девушка не слухом, а сердцем слышала её в эти минуты.

Песня смолкла, и публика, будучи под впечатлением от неё, молчала. Аплодисменты здесь были не приняты. Как бы в благодарность за песню я положил руку Фёдору на плечо.

– Как-то они там сейчас без нас?..

Фёдор понял меня с полуслова и с напускной небрежностью ответил:

– Что же им не жить? Лето, тепло, бегают на танцульки в городской парк.

Я-то видел, что за показной грубоватостью он хочет скрыть нежные чувства к своей далёкой невесте.

Ещё не отвыкшие от дома солдаты поначалу писали помногу писем на родину. Вот и им стали приходить отчетные письма из дома, а иногда и посылки.

Так совпало, что в один и тот же день пришли посылки из дома мне и Казюкову. Наш взводный, привезя их с почты, велел вскрыть их в его присутствии. В посылках, среди прочего, оказалось по бутылочке.

– Так, – сказал Отрищенко, – две бутылка на двоих – это вам многовато. Одну я оставляю вам, а вторую забираю себе. Если вы не согласны, я сейчас же расколю обе. Сами знаете, что не положено.

Пришлось согласиться.

Со своей бутылкой мы ушли с Фёдором на прудик и укрылись от жары в тени под кустами. Выпили по первому глотку. Меня потянуло на лирические размышления:

– Эх, хорошо сейчас дома! Счастливики наши ровесники, которых ещё не призвали. Пойдут в армию в октябреноябре...

Выпили ещё. Я продолжал:

– Капитан утешает: «Работу на целине вам зачтут в общий срок службы и отпустят вас на пять месяцев раньше».

Фёдор усмехнулся:

– Не будь наивным. Не зачтут. Забудут! И что ты всё заладил про службу да про службу! Давай поговорим о чём-нибудь более приятном. Эльмира тебе пишет?

– Пишет. Я уже два письма от неё получил.

– Это хорошо, – одобрил Фёдор. – Она, Эльмира, одна из первых красавиц на нашей улице. Подваливали к ней разные ухажёры, но так же быстро и отваливали. Быстро она их отшила. А ты подружил с ней с весны до середины лета, и она тебя не прогнала. Значит, что-то в тебе нашло, что-то увидела. Цени! Серьёзная она деваха, Элька, вся в мать. Её мать, прежде чем выйти замуж, не поленилась сходить на ту улицу, где жил её жених, и не постеснялась расспросить у тёток: «Кто тут у вас Олег Алифанов, что он за человек?». Тётки её уверили: «Отличный парень! Вежливый и культурный, всегда опрятно одет, и пьяным мы его никогда не видели. Смело выходи за него замуж, девушка, не прогадаешь!» Ну, поженились они. Вот так и образовалась Эльмира. Родители её живут дружно, оба инженеры на оружейном заводе. И дочь пошла по их пути, учится в институте.

Офицерам было скучно сидеть с солдатами на степной точке, и они почти целые дни проводили на центральной усадьбе. Следует заметить, что директорами совхозов и их заместителями тогда назначались сплошь полковники и подполковники, недавно уволенные в отставку по недавнему сокращению вооружённых сил. Закалённые военной службой и войной действующие офицеры быстро нашли общий язык и подружились с отставными.

Пользуясь отсутствием офицеров, однажды в конце дня все пять наших сержантов отлучились из колонны. Вернулись они на закате изрядно пьяными. Они вообразили, что без них солдаты окончательно распустились, и с удвоенной энергией взялись наводить порядок. Особенное усердие проявил старшина роты, саратовский мужик Мишка Смоляков. Он придрался к Казюкову, который первым попался ему на глаза.

– Почему ты расстёгнут до пупа, Казюков? Почему подворотничок у тебя грязный?

– Брось, старшина, – примирительно сказал Казюков, застёгиваясь. – Мы тут не на параде. Подворотничок успею подшить до отбоя.

Смоляков не унимался:

– Распустились! Совсем забыли дисциплину, говнюки! Казюков не выдержал:

– Да ты на себя посмотри! Залил глаза и стоишь как шут гороховый!

Лицо Смолякова стало наливаться краснотой.

– Да ты знаешь, кто я такой? Меня вся армия знает. Ты знаешь, сколько я совершил прыжков? А ты... Ты бы там сразу умер со страху. Не казюк ты, а кизяк. Тульский самоварник!

Казюков взорвался:

– Ах ты маненечка! – и коротким взмахом влепил плюху в пьяную физиономию Смолякова.

Тот покачнулся, но не упал. Потом растерянно похлопал глазами и молча удалился.

Наутро о случившемся никто не вспоминал. Не могли сержанты жаловаться капитану! Сами затеяли этот пьяный базар, сами были и виноваты.

В последних числах августа жарким солнечным утром колонне приказали сниматься с места и следовать в другой совхоз, в соседний район.

Пришли машины. Солдаты начали снимать палатки и грузить военное имущество. Трудясь, они переговаривались между собой:

– Слишком много нас сюда нагнали. Так много, что не знают, куда приткнуться и чем занять.

К полудню погрузка была закончена. Можно было отправляться в путь.

Прощай, захолустный, забытый богом уголок! Скоро отдохнешь от нас и вернёшься в своё естественное состояние. Порубленный лозняк снова вырастет, и вода в прудике осветлится. Влага из него будет проникать в колодец низины, отфильтрованная пластами глины и песка. Место, где стояли палатки, зарастёт травой.

Солдаты заняли места в кузовах грузовых машин. Капитан пошёл прощаться с жителями дома. Они с утра до позднего вечера пропадали на работе, на центральной усадьбе. Но в этот час в доме кто-то был.

Капитан вернулся, заведённые моторы машин работали на малом ходу. До отправления оставались секунды.

Вдруг со стороны сарая донёсся какой-то треск. Все головы повернулись туда. На глазах у всех крыша сарая начала проседать и, ускоряя падение, с шумом рухнула. Полетели осколки шифера, и над стенами сарая поднялась туча белёсой пыли.

Все изумлённо молчали. Наверное, капитану эта картина напомнила купол парашюта, оседающий на землю в момент приземления десантника.

Первым очнулся парторг совхоза, приехавший провожать колонну. Он, старый вояка, лишь недавно снявший военную форму, всё понял сразу.

Он сказал капитану:

– Твои ребята, Сергей Лукьяныч, время тут зря не теряли!

Капитан промолчал. Он мог бы возразить: «Дрова-то вы мне обещали, да так и не привезли!» Но препираться теперь было поздно и бесполезно.

Колонна двинулась в путь.

Когда скрылось из глаз покинутое обжитое место, солдаты, кто с досадой, а кто с усмешкой, заговорили:

– Какой коварный сарай! Не мог потерпеть несколько минут, рухнул в самый неподходящий момент!

А и то сказать, всё дело шло к этому. Дни шли за днями, завтраки-обеда-ужины выдавались вовремя. Никто не задумывался, какой ценой это достаётся. Кухонные наряды, выломав стропильные балки через одну, начали выламывать их подряд. Крах сарая был неизбежен.

По накатанным грунтовым, а кое-где по каменистым дорогам колонна долго ехала в северном направлении. Местность, в которую она приехала, разительно отличалась от прежней. Здесь было обилие лиственных лесов, перемежаемых хвойными. Леса покрывали равнину и взбирались на склоны сопков, состоящих из глыб дряхлого от старости гранита.

Даже небо здесь казалось другим. В отличие от степного, блеклого и бесцветного от зноя, оно сияло здесь чистой голубизной.

Зерносовхоз «Белгородский», основанный два года тому назад, расположил свою центральную усадьбу на краю поля по соседству с лесом. Посёлок состоял из таких же однотипных

одноэтажных деревянных домов. Однако на его улицах можно было увидеть деревья, совсем как в какой-нибудь среднерусской деревне.

Жители посёлка говорили солдатам:

– Считайте, что вам на редкость повезло. Вы попали в исключительные по красоте места.

Здесь недалеко находится всемирно известный курорт Боровое и озеро с таким же названием.

– Спасибо! – отвечали солдаты. – Но нам от этого не легче.

Мы не курортничать сюда приехали!

Место для стоянки им определили в трёхстах метрах от посёлка, на краю поля, рядом с лесным оврагом. Здесь было много старых берёз и других деревьев. А на дне оврага журчал по камням чистый и холодный ручей, воду из которого можно было пить без всяких опасений.

– Отличная вода! – восхищались солдаты. – Это там мы цедили питье через платок. А здесь!..

Натянули и закрепили палатки, установили кухню. Капитан, осматривая своё хозяйство, заметил:

– Здесь дрова у вас под ногами и вода перед носом. Далеко ходить не надо.

Наверное, в его словах был затаённый намёк, напоминание о загубленном солдатами сарае. Капитан сначала грозился наказать виновных в этой диверсии. Но кого же было наказывать? поголовно всю сотню человек? Не имеет смысла. Он и «арбузников» перестал шпынять. Видно, надоело уже.

Как только колонна обустроилась на новом месте, солдат повели на ток, расположенный в некотором отдалении от центральной усадьбы.

Перед ними открылась обширная площадь, сплошь заставленная буртами пшеницы. Все бурты были вытянуты в одном направлении и напоминали гигантские гряды, насыпанные в четырёх-пяти метрах одна от другой. А машины всё шли из степи с грузом зерна и ссыпали его, наращивая эти гряды.

Откуда же взялась такая силища зерна? Здесь, в лесостепной зоне, помимо лесов было достаточно места и для огромных полей. Распаханный два года назад чернозём ещё не успел истощиться, и третий целинный урожай выдался на редкость обильным.

Неоглядная степь начиналась сразу за током, в южном направлении. А с севера ток был прикрыт от холодных ветров берёзовым лесом.

Было на току несколько временных служебных построек, какие-то вагончики. А вплотную к буртам шумели моторами зернопогрузчики и зернопульты, отгружавшие подсушенное и провеянное зерно на элеватор и на станцию.

Солдатам поручили окучивать расплзающееся зерно. Встав цепочкой вдоль бурта, они деревянными лопатами брали пшеницу из-под ног и забрасывали вверх. Откосы бурта приобретали крутизну. Это делалось на случай дождя, чтобы вода по возможности не проникала в глубины бурта, а скатывалась с него.

Время шло, и всё явственнее проступали приметы осени. Ночи стали холодными, и по утрам на траве блестел иней. Солдатам было зябко вылезать из нагретых постелей и бежать на зарядку, а потом умываться в запрудке, устроенной ниже по ручью.

Солдаты в последний раз позавтракали в своём живописном лесном уголке. Этот завтрак запомнился им надолго.

Должно быть, подошла к концу в запасах у Смолякова каспийская килька и свиная тушёнка. Колонна стала получать по разнарядке мясо из окрестных хозяйств. На рассвете, ещё впотьмах, кухонный наряд разрубал эту говядину на сосновой плашке. За завтраком солдаты обнаружили в каше древесную крошку, а сама каша сильно пахла хвойной смолой. Ну ничего, поворчали и съели. Ничего худого ни с кем не случилось.

Дирекция совхоза переселила колонну в более надёжное жильё.

На границе леса и поля, у просёлочной дороги, одиноко стоял одноэтажный кирпичный дом, неизвестно кем и когда построенный. Был он вытянут в длину, разгорожен внутри и имел несколько входных дверей. В правом крыле жили немцы из Поволжья, люди семейные и пожилые. В левом квартировали командированные откуда-то механизаторы. В срединную часть поселили солдат.

В просторном этом помещении по обе стороны вдоль стен были устроены деревянные нары. Солдаты застелили их своими матрацами и одеялами. Это было надёжнее, чем на голой земле в палатках. Места для ста человек было достаточно. Несмотря на отсутствие отопления, в доме было тепло.

Окна фасада смотрели на молодой сосновый бор. Задняя стена выходила на дорогу и поле. Там, за полем, в одном километре, темнели леса. Среди лесов возвышались сопки из оскольчатого гранита. В сопках ещё сохранились одиночные трёхсотлетние сосны. Их высоко вознесённые вершины цеплялись за низко летящие белёсые облака.

Напряжение уборочных работ возрастало. Сколько ни увозили с тока зерна, его завалы не убывали, а возмещались подъезжающими из степи машинами. Солдаты надвигали пшеницу под лопасти зернопогрузчиков – эти не знающие усталость механические загребушие руки. Толстая струя зерна заливалась в кузов, и машина оседала на рессорах. За нагруженной подъезжала следующая. Работать в бушлате становилось жарко, и отдыхать было некогда.

Кроме рабочих совхоза и солдат на току трудился отряд студентов.

По утрам бывали лёгкие заморозки. Дороги были сухи и накатаны до блеска. Шофёры, опьянённые простором, гоняли на бешеных скоростях. Зерно из кузовов выдувало ветром, и оно дождём сыпалось на дорогу. Дороги были покрыты слоем пшеницы толщиной в два пальца. И так на десятки и на сотни километров.

В помощь совхозу прибыли моряки Северного флота. Они приехали на студебекерах, полученных ещё в войну от союзников. Целая колонна отличных мощных вездеходов! Но все послевоенные годы эта техника не использовалась, а хранилась на консервации. И вот теперь, во имя спасения огромного урожая, эти машины сняли с консервации и пригнали на целину.

Морякам поручили отвозить зерно на элеватор.

Дни заметно убавились, и солдатам для экономии времени стали привозить обед прямо на ток. Одна из студенток не постеснялась подойти и заглянуть в солдатский термос. Она увидела там слежавшуюся пластом и посиневшую гречневую кашу.

– Да, – сказала эта любознательная девушка, – неважная у вас кормёжка. У нас, студентов, она всё же получше.

С некоторых пор моряки стали возвращаться из рейсов с побитыми лицами. Один из них, с синяком под глазом и с разбитой губой, рассказывал:

– Проезжал я через селение, в котором живут чеченцы. Там меня остановили какие-то люди и потребовали, чтобы я осыпал у них зерно. Я, конечно, послал их куда подальше. Они попытались силой вытолкнуть меня из кабины и завладеть рулём. Пришлось с ними подраться. А всё же я не отдал им груз, доставил его по назначению.

Услышанное возмутило солдат. Казюков бросил клич:

– Мы сейчас же поедem и проучим этих безобразников. Я беру с собой добровольцев. Кто пойдёт со мной? Раз и навсегда отобьём у чеченцев охоту грабить проезжающие машины. Поддержим североморцев!

– Отставить! – строго сказал капитан. – Не наше это дело. Там без нас уже навели порядок. Зачинщиков безобразий забрали и увезли. – Кстати, – добавил он, – у чеченцев сегодня великая радость. Вышло постановление, разрешающее им и их соседям ингушам после двенадцати лет ссылки вернуться в родные места, на Кавказ. На радостях они не станут больше безобразничать. И запасаться зерном им теперь ни к чему. Зимовать в Казахстане они не останутся.

В жизни капитана Гришаева в эти дни произошло значительное событие. Ему присвоили звание майора. Он знал об этом заранее и только ждал приказа. И вот приказ пришёл. Капитан сразу надел майорские погоны, которые были давно припасены в его личных вещах.

В эти дни разнесся слух о тревожных и драматических событиях, произошедших в Венгрии. Там недобитые фашисты организовали вооруженный мятеж, чтобы свергнуть существующий государственный строй.

Эти новости озабоченно обсуждали рабочие совхозы, которые имели возможность дома слушать радио. От них обо всём узнавали и солдаты. Они рассуждали:

– Не зашевелились ли там какие-то недобитки? Не пошлют ли нас туда?

– Не пошлют, – успокоил Гришаев, теперь уже майор. – Отсюда вы поедете в Ленкорань.

Наконец-то начальник колонны открыл солдатам страшную военную тайну! Он-то знал всё с самого начала. Все документы хранились у него в чемодане.

У кого-то нашлась карта. Стали искать – где она находится, эта самая Ленкорань? Вот она где: далеко в Закавказье, за Каспийским морем, у самой иранской границы.

Чтобы не простаивали трактора и комбайны, начальство распорядилось вести работы в три смены, круглосуточно. Потребовались дополнительные рабочие руки, специалисты, знакомые с этой техникой. Таких в колонне нашлось человек пять или шесть. Те, у кого были шофёрские права, уже работали водителями.

Казюков вызвался работать на комбайне, утверждая, что знает эту технику.

Я спросил:

– Фёдор, где же это ты, городской человек, успел изучить зерноуборочный комбайн?

Он ответил:

– Я тебе как-то рассказывал, что я работал помощником машиниста мотовоза на шлаковом карьере. Я там специальные курсы прошёл. Так что в дизельных моторах разбираюсь. И с комбайном управлюсь.

– Ну, в час добрый! – напутствовал я его. – Смелость, как говорится, города берёт!

Наши комбайнёры и помощники комбайнёров работали ночами, возвращались под утро и ложились спать. Едва позавтракав, они опять уезжали в поле. Тут и поговорить было некогда, а не то что петь песни. Нам, большинству «безлошадных», было полегче. Днём мы работали, а ночью спокойно спали.

А механизаторы, наши соседи, жили напряжённой трудовой жизнью. Они работали день и ночь и отсыпались в своём помещении, даже не снимая комбинезонов.

Долгим трудом и терпением люди наконец-то победили сказочного богатыря, имя которому – Урожай.

Постепенно исчезли, истаяли горы зерна на обширной площади тока. Смолк гул моторов, и уже не звучали голоса работниц, говорящих почему-то по-украински. Только солдаты по привычке ещё приходили на ток, хотя работы уже не было. Они сидели в вагончике и от скуки жарили пшеницу на горячей железной печке. Зерна вздувались от жара и приобретали коричневый цвет. Крепкими молодыми зубами солдаты перемалывали эти зёрна, которые напоминали вкус печёного хлеба.

Гонимые ветром, по степи катились, прихрамывая, шары перекасти-поля. Ветер прибивал их к стенке вагончика – эти неправильной формы шары, как бы сплетённые из тонкого хвороста.

Сержанты удалились от дел и уже не водили своих подчинённых строем на работу и с работы. В последние дни солдаты уходили на ток самостоятельно, лишь бы только не сидеть в надоевшем доме.

Их путь пролегал вдоль соснового бора. Василий Красулин обратился к своему другу Виктору Бабушкину:

– Если там без нас сгорит наш дом, чего тебе будет жалко? Бабушкин ответил без запинки:

– Жалко будет вещмешка!

Но никакого пожара в их доме не случилось. Должно быть, казахские боги оберегали скромные солдатские пожитки. Но без разрушительного огня дело все-таки не обошлось.

Майор Гришаев, ещё будучи капитаном, приказал установить перед домом палатку, до поры хранившуюся в запасниках Смолякова. Это была большая армейская палатка – выцветшая добела от старости, с двускатной крышей и слюдяными оконцами, прямо как деревенский домик среднего размера. В одном углу топились для обогрева железная печурка. Внутри был установлен ряд умывальников.

Умывались и брились в палатке и солдаты, и их соседи – механизаторы. Один из них, желая нагнать тепло, щедрой рукой плеснул в печурку солярки. Пламя полыхнуло, и всё остальное произошло само собой. В одну минуту палатка превратилась в пепел.

Совхоз подводил итоги уборочных работ. Передовики производства получили премии и награды. Майор Гришаев получил в дар от дирекции швейную машинку и тут же отослал её домой.

Те из солдат, которые работали на технике, удостоились почётного значка за освоение целинных и залежных земель. Казюков тоже получил такой значок.

Тогда-то и появилась в солдатском обиходе неизвестно кем сочинённая песенка, исполняемая на мотив индийского «Бродяги».

Людей не бил, не лез в карман...
За что ж попал я в Казахстан?
Салага я! Салага я!

Не ел, не пил, не спал с тоски,
А получил одни носки
В награду я!

Это было преувеличением. Не полагалось солдату иметь носки!

Вечером 7 ноября в клубе совхоза был устроен праздничный концерт и танцы под радиолу. Народ веселился от души. Солдат туда непустили. А к утру клуб сгорел.

Вот так погуляли герои-целинники! Так погуляли, что за полночь клуб у них запылал, и тушить его оказалось некому. Совсем новое деревянное здание сгорело дотла.

Прощай, совхоз «Белгородский»! Вряд ли ты запомнишь нас, а мы будем помнить тебя долго!

Майор выдал личному составу солдатское жалованье за весь срок службы на целине. За пять месяцев каждый получил сто пятьдесят тогдашних сталинских рублей. Сумма по тем временам заметная.

Наступил день отъезда. На грузовых машинах солдат отвезли на какую-то захолустную станцию. Снег, выпавший накануне, был загрязнён чернозёмной пылью. В природе было серо и пасмурно.

В окрестностях этой станции пойти было некуда и делать было нечего. Солдаты отсыпались в землянках, на устроенных там нарах. В этих временных убежищах, построенных неизвестно кем, было теплее, чем снаружи.

Нужно было дожидаться, когда к станции съедутся другие колонны со всей обширной округи. Наконец все съехались, и подо всё это пропылённое и обветренное воинство подали эшелон, составленный из современных пассажирских вагонов.

Перед отъездом в здании вокзала солдаты увидели чеченцев и ингушей, возвращающихся из многолетней ссылки к себе на родину. Степенные аксакалы в черкесках и в круглых папахах ожидали поезда посреди своих семейств и багажа.

Морозным и снежным, сверкающим солнцем Поволжьем воинский эшелон быстро двигался на юг. В Астрахань он прибыл на рассвете. Пассажиры так и не увидели ни самого города, ни Волги, всё было окутано плотным сырым туманом.

Настоящий юг они увидели, когда поезд вышел к Махачкале. В ярком солнечном блеске начинающегося дня солдатам показалось, что они перенеслись на неизвестную сказочную планету. Горы расступились и остались позади, и на приморской равнине открылся нарядный и пёстрый южный город. За городом, до самого горизонта, ослепительно сверкало Каспийское море.

И дальше, дальше на юг! К полотну железной дороги подступили широколиственные леса, ещё сохраняющие свой летний, чуть тронутый увяданием убор. Мимо мелькали станции и посёлки. Безоблачное небо сияло глубокой синевой, и солнце грело всё сильнее.

На остановках местные торговки предлагали проезжающим фрукты и жареную морскую рыбу. Иногда солдатам удавалось купить в станционных киосках пару-другую бутылок водки. Майор перехватывал эти бутылки и вышвыривал на гравий железнодорожного полотна. Так он отобрал и разбил бутылку у солдата первого взвода Шемякина. А когда показались торговки с рыбой, майор позволил себе пошутить:

– Скажите Шемякину, пусть купит себе рыбки на закуску!

Никто не заметил, когда и как колонну покинули сержанты и старшина Смоляков с доверенным ему казённым имуществом. Их как-то сразу забыли. Мысли солдат были устремлены вперёд, в неизвестное будущее.

В Баку майор Гришаев передал колонну выехавшим навстречу представителям дивизии.

Из Баку солдаты под руководством новых командиров ехали на обычном пассажирском поезде. Этот отрезок пути был ещё живописнее. Интересно было наблюдать тип здешнего народа. А впрочем, все люди как люди.

С Ленкоранского вокзала солдат повели в центр города, в войсковую часть, расположенную при штабе дивизии.

Сезон дождей, обязательный в этих местах в октябре, давно прошёл, и в город словно опять вернулось лето. Воздух был пронизан солнцем и густо настоян на запахах фруктов. По радио над площадью звучала национальная музыка. Мужчины были одеты в обычную, привычную взгляду одежду, а женщины носили длинные, до пяток, цветастые платья. Были эти восточные красавицы загорелы и чернокосы.

– Они как цыганки, – заметил Казюков. Мы опять шли с ним локоть к локтю.

Однако местные женщины, в отличие от цыганок, имели обычай носить поклажу на голове, придерживая её рукой. Это был или кувшин с каким-нибудь содержимым, или небольшая корзинка с кладью.

На широком дворе, на плацу дивизии, собралось несколько сотен человек прибывшего пополнения. Отдельной кучкой стояли так называемые покупатели – офицеры из полков и батальонов дивизии. Они деловито листали личные дела солдат. Солдаты томились ожиданием. К середине дня стало жарко.

Старший лейтенант с эмблемами танкиста в петлицах старался отобрать себе парней, которые успели поработать до призыва в армию, имея дело с металлом и машинами. Ему удалось набрать около сотни человек. Сложив в портфель личные дела этих солдат, офицер повёл их к окраине города.

Группа шла по вымощенной гладким булыжником тенистой улице. По обе стороны от неё скрывались в садах одноэтажные дома, рядом с которыми виднелись круглые глиняные печи. Кроны деревьев срослись над проезжей частью, образуя арку.

Эта зелёная арка была перевита гроздьями спелого винограда. Солдатам, никогда не видевшим такой роскоши, казалось, что они входят в райские ворота.

За крайними домами открылся пустырь, а за ним – сложенные из серого камня казармы войсковой части. Военный городок был огорожен деревянными кольями с редкой колючей проволокой. Ограда выглядела несолидно, разве что от пасущейся неподалёку скотины.

Солдат остановили перед штабом части. Они сняли с плеч вещмешки и сбросили бушлаты. Теперь можно было отдохнуть, сидя на сухой траве.

– Куда это нас привели? – заинтересовался Казюков. Мы снова оказались рядом. словно невидимая рука судьбы держала нас в одной связке.

– Это танкосамоходный полк, – объяснил нам один солдат из числа здешних.

– Отлично! – обрадовались мы. – Значит, станем танкистами!

– Чему вы радуетесь? Вы попали в край, где один смеётся, а девяносто девять плачут.

– Ну зачем же так мрачно, дорогой товарищ? Как-нибудь проживём, не пропадём.

Новоприбывшим было объявлено, что сегодня они получают всё новое, от сапог до головного убора. А сначала их заново остригут и помогут в бане.

Узнав эту новость, к новичкам со своим интересом начали подходить солдаты полка. Один из них обратился ко мне:

– Давай обменяемся сапогами. У тебя они ещё крепкие, а мои разваливаются. Вам всё равно выдадут новое обмундирование.

Действительно, у наших сапог за почти пять месяцев даже каблуки не стесались. Мы ходили всё по траве и по грунтовым дорогам. А у этого солдата подошвы сапог были вздуты, как ломти колбасы, когда её сварят в кипятке. Это от масла и горячего, с которыми имеют дело танкисты. И бетонный плац съедает резиновые подметки, как крупнозернистый наждак. Сапогам трудно выдержать положенный срок.

Я снял свои кирзачи и отдал солдату, а сам обулся в его разболтанные. И многие наши поступили так же. Зачем пропадать добру?

Нас одели во всё новое. Пилотки у нас отобрали и выдали зимние шапки, хотя днём в них было ещё жарковато.

Над болотами предгорья низко летали самолёты и посыпали кустарник белым порошком. Так велась борьба с малярийными комарами.

Нам сделали уколы, от которых мы два дня ходили понурые, как после сильного похмелья. Потом это прошло.

Назначенный командиром роты карантина капитан Басов, высокий и подтянутый, обходя строй, заметил:

– У некоторых из вас я вижу на гимнастёрках значки с белым голубем. Голубков снимите! Это символ мира, а мы с вами собраны здесь не для мира, а для войны. И значки, которые с целины, тоже снимите.

Носители целинных значков зароптали:

– Как же так? Это наши наградные. Почётная награда за труд.

– Ладно, – уступил капитан. – Эти можете носить.

В полуденный час перед казармой, на посыпанной мелкой морской ракушкой площадке собрались подразделения, вернувшиеся из машинного парка и из других мест.

Стоял ослепительно яркий и по-летнему тёплый день. Заходить в казарму никому не хотелось. Солдаты теснились кучками, ожидая сигнала на обед.

Кто-то вынес на улицу две пары боксёрских перчаток. Два «старичка» надели их и вступили в поединок.

Они наносили друг другу удары вполне профессионально. Скоро один из них стал сдавать и отступать. Публика начала скандировать в его поддержку:

– Малазония! Малазония!

Малазония взбодрился и в свою очередь стал теснить своего соперника.

Теперь зрители стали подбадривать того, кто оказался слабее:

– Киласония! Киласония!

Раунд окончился вничью. Боксёры сняли перчатки и пожали друг другу руку. Иначе не могло и быть. Они оба были членами одного танкового экипажа, азартные кавказские парни.

Нет, неправ был солдат, утверждавший, что здесь царит сплошной дух уныния. Наоборот, здешний народ был настроен очень бодро.

Щедрое иранское солнце высоко стояло над миром, насылая волны света и тепла и на нашу землю. Оно осязаемо льнуло к людям, согревая тело сквозь гимнастёрку.

Горнист протрубил сигнал на обед. Роты построились и зашагали к полковой столовой.

Чтобы обучить молодое пополнение военным наукам, к нам в карантин назначали командирами взводов сержантов из числа старослужащих, вступивших в свой последний, третий год службы. Но почему-то эти сержанты у нас долго не заживались. Их быстро отзывали и заменяли другими. В этом отношении почему-то особенно не везло первому взводу.

Был у нас сначала сержант Шапкин, а вскоре его сменил сержант Хмелевский. Но и его быстро отозвали обратно.

Дня через два солдаты первого взвода подошли к Хмелевскому и тоном обиженных детей заговорили:

– Как жалко, товарищ сержант, что вы от нас так скоро ушли! Тот ответил:

– Эх, ребята! Потому-то меня от вас и ушли, что я не умею кричать на людей!

Капитан Басов объявил перед строем:

– Внимание, первый взвод! Вот ваш новый командир – старший сержант Бежан!

Военная форма всех уравнивает и делает одинаковыми. Но это только на первый взгляд. Там, под военной формой, каждый остается человеком со своим лицом и характером. Со своей собственной судьбой, наконец.

Новый командир взвода был среднего роста, плотен и широкоплеч. Его голову, пожалуй, слишком большую для его туловища, украшали короткие тёмные волосы, зачёсанные назад. А его круглое лицо с устойчивым южным загаром оживляли выразительные карие глаза.

Вскоре все узнали, что родом Бежан из Молдавии.

Ровно в шесть часов утра по местному времени, когда московское радио ещё молчало, потому что в столице было только пять утра, дневальный громко крикнул:

– Рота, подъём!

По казарме пронёсся шум, напоминающий громкий шелест. Солдаты вскакивали с коек и торопливо одевались. Любители поспать подольше, ещё не отвыкшие от дома, тянулись и портили общую картину. Бежан строгим голосом подгонял нерадивых:

– Ну что вы копаетесь как клуши? Вы должны вскакивать так, чтобы ваши одеяла летели к потолку!

Через четверть часа карантин, построенный повзводно, громяхая сапогами по булыжной мостовой, бежал боковой улицей, ведущей к морю. Без шапок, в нательных рубашках, заправленных в шаровары, солдаты в предрассветной темноте напоминали косяк спешащих гусей. Жители, привыкшие к грохоту сапог, мирно спали в своих домах, скрытых в густоте садов.

До моря солдаты не добежали. В нужном месте Бежан развернул взвод обратно, и бег продолжался. Солдаты уже тяжело дышали, и всё явственнее чувствовался запах молодых разгорячённых тел.

Время, отведённое на физзарядку, истекло. Но Бежану всё было мало. Он разворачивал взвод снова и снова, гоняя его по кругу и подбадривая отстающих грозными окриками.

После пробежки и комплекса физических упражнений настало время, отведённое для заправки коек и умывания. Затем следовал утренний осмотр и завтрак.

Из-за чрезмерного усердия Бежана взвод не уложился в положенный срок и опоздал на завтрак. В столовую полка он прибыл позже всех, когда там уже сдвигали столы для мытья полов. Дежурный по полку, старший лейтенант, сделал Бежану замечание:

– Почему вы с опозданием прибыли на завтрак? У вас не было серьёзных причин для задержки. Распорядок дня необходимо соблюдать. Кухня должна вовремя освободить котлы от пищи, чтобы начать варить новую к обеду. А из-за вас, товарищ старший сержант, вышло промедление почти на час!

После завтрака начиналась строевая подготовка. Бежан и тут старался изо всех сил. Он командовал:

– Взвод, поднять левую ногу! Вытягивать вперед! Держать, держать! Не опускать! Носок тянуть! Опустить! А теперь поднять правую ногу! Выше, выше! Носок тянуть! Опустить!

Занятия по строевой подготовке продолжались три часа, а иногда и четыре. Кроме усталости солдаты начинали чувствовать голод. Бежан замечал:

– Что это ремни у вас обвисли? Подтянуть!

Солдаты снимали пояса и подтягивали их. При этом шутили:

– Похоже, из нас тут хотят сделать балерин!

Бежан понимал причину провисания ремней. С весёлой угрозой в голосе он обещал:

– Подождите, я вас накормлю! Я вас всех накормлю!

После ужина, до отбоя, солдатам полагался свободный час, так называемое личное время. За этот час солдат был должен побриться, подшить свежий подворотничок и до блеска начистить пуговицы. Не забыть и сапоги. Ну и, конечно, написать письмо на родину. А то и целых два или три.

В один из таких вечеров Бежан сказал:

– Мы должны избрать комсорга взвода. Так положено. Тем более что у нас тут все поголовно комсомольцы. Кого выберем? Рядовой Анатолий Небожак как будто ждал этого вопроса.

Он вскочил с места, указывая на Казюкова:

– Вот его! Он у нас самый идейно закалённый. Мы все проголосуем за него!

И все дружно проголосовали за Казюкова. Так он стал комсоргом во взводе. Бежан полушутливо сказал ему:

– Ты теперь комсомольский вожак и мой личный секретарь! А Фёдор наедине со мной подсадовал:

– Бисов сын этот Небожак! Выскочил впереди всех, перебежал дорогу. Боялся, что этот хомут наденут на него. И все земляки его поддержали. Что поделаешь, у нас тут половина взвода – украинцы. А мы оказались в меньшинстве.

Хомут, доставшийся Казюкову, был не так уж и тяжёл. Нужно было раз в месяц собирать членские взносы. Он и собирал их по списку, по десять копеек с каждого комсомольца, а собранную сумму передавал комсоргу полка.

После умывания и заправки коек оставалось свободных полчаса до завтрака. В широком проёме казармы рота выстроилась на утренний осмотр.

Бежан медленно шёл между двумя шеренгами своего взвода, придирчиво осматривая каждого солдата. Сразу выявлялись мелкие недостатки: кто-то с вечера не побрился, кто-то поленился начистить сапоги или подшить свежий подворотничок. Бежан записывал фамилии нерадивцев в записную книжку и грозил нарядом вне очереди. И тут же заставлял исправить недостатки.

Окончив осмотр, Бежан становился во главе взвода и командовал:

– Рядовой Вулик, ко мне!

Именно так старший сержант произносил фамилию одного из молодых солдат – рядового Иосифа Вулиха.

От левого фланга отделяется аккуратный солдатик, черноглазый, с тёмным ежиком волос на стриженной голове. Чётким шагом он подходит к командиру, прикладывает руку к шапке и звонким голосом докладывает.

– Рядовой Вулик по вашему приказанию прибыл!

Бежан придирчиво оглядывает солдата. Всё у него в порядке, он чисто выбрит и начищен. Командир начинает неслужебный разговор:

– Как вам сегодня спалось, товарищ Вулик? Тот вежливо отвечает:

– Спасибо, хорошо, товарищ старший сержант!

– Так, так, – произносит Бежан. – А как сегодня ваше самочувствие?

Вулик рапортует без запинки:

– Спасибо. Всё отлично, товарищ старший сержант! Наливаясь беспричинной злобой, Бежан командует:

– Рядовой Вулик! Как вы стоите? Смирно! А тот и так стоит смирно. Куда уж смирнее!

Бежан приказывает:

– Кругом! Пройдите мимо вон того столба десять раз и каждый раз отдавайте ему честь!

Чётким строевым шагом Вулик марширует мимо одной из колонн, подпирающих потолок, и старательно козыряет ей. Взвод, да и вся рота, молча, наблюдает за происходящим.

Поначалу это развлекало и забавляло. Но когда этот аттракцион стал повторяться каждое утро, солдаты стали тихо роптать между собой:

– И чего он привязался к этому малому? За что его шпыняет? Только за то, что он еврей? А сам-то... Как уставит свои румынские очи, и прижигает ими человека, и давит, как будто хочет придавить к земле. Бонапартишка несчастный!

Солдаты третьего года службы, сослуживцы Бежана, проходя мимо, говорили:

– Ну и Бёжин! Ай да Бёжин! Бывало, в батальоне его и слышно не было. А тут заматерел, вошёл во вкус, даже голос потерял от крика!

Никто из молодых солдат не жаловался на самодурство Бежана. По уставу каждый при необходимости мог пожаловаться за себя лично. Коллективные жалобы не допускались. Да и сами молодые были зациклены на обязательности приказов и устава, в котором сказано: «Солдат обязан стойко переносить все тяготы военной службы».

И Вулик никуда не шёл жаловаться, видимо, решив молча сносить дурацкие выходки Бежана.

Да и к кому было идти? К замполиту полка? Это был толстый сидящий подполковник из местных жителей, плохо говорящий по-русски. Пожалуй, и не поймёт, не вникнет в деликатность возникшего конфликта, не заступится за несправедливо притесняемого солдата.

Только всего и радости в жизни у солдата – это получить письмецо из дома. Да ещё, милое дело, посмотреть воскресным вечером кино в полковом клубе.

Кто-нибудь скажет: значит, по выходным. Но у солдата срочной службы выходных не бывает.

Итак, вечером в конце недели, после занятий и работ, подразделения полка после ужина организованно направлялись в клуб. Но такая удача выпадала не всем. Часть личного состава несла службу в обязательных нарядах, нарушители порядка сидели на гарнизонной гауптвахте, а заболевшие содержались в полковой больничке. Эти оставались без кино.

Нелишним будет описать, как выглядел полковой клуб. Это был длинный навес, состоящий из шиферной крыши, покоящейся на сварном металлическом каркасе. Опорой этой конструкции служили стальные трубы двухсотмиллиметрового диаметра.

Стен у этого помещения, если его можно так назвать, как таковых не было. Замыкала это пространство кинобудка, или киnorубка, как её называли здесь. Она служила некоторой защитой от северного ветра. А впереди был натянут на раму экран. Внутри зрительного зала стояли два ряда деревянных скамеек на столбиках из обрезков труб. Полom служил толстый слой серого морского песка.

Роты и взводы входили в клуб и рассаживались на скамьях. В предвкушении удовольствия зрители расслаблялись и настраивались на лирический лад. Дневные хлопоты и волнения остались позади, и постоянное напряжение мускулов отступало. Усталость из солдатских тел уходила в песок под ногами, истолчённый в пыль множеством сапог.

Роту карантина тоже привели на просмотр киносеанса. До начала фильма оставались считанные минуты. Дежурный по полку с помощниками ещё вылавливал и выпроваживал городских мальчишек, без труда проникавших на территорию полка через хлипкую колючую проволоку, отделявшую клуб от соседнего пустыря. Но это неугомонное племя тут же лезло обратно.

Свет погас, и на экране замелькали первые кадры чёрно-белого фильма. И в этот момент со стороны раздался зычный голос Бежана:

– Первое отделение первого взвода карантина, выходи строиться!

Первое отделение первого взвода было составлено из самых высокорослых. Остальные шли по убывающей по ранжиру.

Вставать и куда-то идти никому не хотелось. Такая досада! Но делать нечего. Притвориться глухим и отсидеться было никак нельзя.

Казюков шепнул мне:

– Вызвали самых длинных. Предстоит какое-то грандиозное дело.

Отделение вышло на площадку и построилось. Бежан проверил явку по списку. Все были налицо. Ничего не объясняя, солдатам приказали грузиться в кузов грузовика.

Никаких скамеек в кузове не было. Те, кто стояли впереди, держались за обрешетку у кабины. Задние держались за передних. Все были здесь: Небожак и Долгополый, Дорошенко и Гетманенко. А ещё Довбня, Шквыря, Китайгора и Гладиголова. Диковинные были фамилии у этих хлопцев!

Погода стояла тёплая и пасмурная, непривычная для начала декабря. Вокруг было черно, дул влажный ветер. Хорошо ещё, что дождя не было.

Грузовик понёсся к северу от города. Примерно через полчаса он свернул с твёрдой дороги влево и остановился на ровном сыром лугу.

Там солдаты увидели военный газик с брезентовым верхом, возле которого стояли офицер в плаще и солдат, водитель этой машины. Лица офицера солдаты разглядеть не могли, тем более что они ещё мало кого знали в полку. Они и друг с другом-то только недавно пообвылись.

Оказалось, что этот чин, погоны которого были не видны под плащом, приехал сюда поохотиться и застрял на болотистой равнине. Вот и вызвал себе подмогу.

– А ну, солдаты, давай, навались! – скомандовал горе-охотник, включив первую передачу и сильно нажимая на газ. Десять молодых здоровых парней дружно налегли сзади и с боков на корпус машины. Охотник отчаянно газовал, едкий бензиновый чад точил глаза и забивал

дыхание. Колёса бешено крутились, обдавая грязью ещё не обношенные шинели солдат. Но машина не сдвинулась вперёд ни на один миллиметр.

Тогда охотник решил вытащить свой газик тросом с помощью прибывшего грузовика. Трос прицепили и потянули, но тяжёлый «ЗИС» тоже застрял в болотистой почве.

После долгих бесполезных попыток моторы заглушили, и охотник разрешил солдатам отдохнуть. Своего шофёра он снова послал в полк за танковым тягачом. А сам засел в газике, где на заднем сиденье лежал его охотничий трофей – пара каких-то задрипанных пичуг.

Солдаты встали в стороне от машин, достали кисеты с махоркой и закурили. Кругом стояла непроглядная темнота. Ни вблизи, ни вдали не светился ни один огонёк.

Я не скрыл своей досады:

– И когда же этот шофёр дойдёт до полка и когда приведёт тягач? И когда мы попадём домой? Весь полк уже спит. И кино посмотреть не дали...

Казюков меня успокоил:

– Кино – это ерунда. Фильмец так себе. Я успел его посмотреть ещё дома. Это из заграничной жизни. Там один молодой красавец, искатель приключений, выдавал себя за представителя знатного рода и богача. Кружил он голову женщинам, обманом завладевал их деньгами и драгоценностями. Потом его разоблачили и лишили буйной головушки. Угодил он под нож гильотины.

– И поделом ему! – вставил своё слово Небожак. – Не рядись в чужую шкуру, не охмуряй доверчивых дур. Пришлым летом был у нас на Воляни случай. Поздно вечером возвращались мы компанией из соседней деревни. Дорога наша проходила мимо кладбища. Место глухое и жутковатое. И вдруг перед нами вырастает что-то белое и огромное. Не скрою, мы сильно испугались. А один наш дружок. Тарасик, хлопец отчаянный. То ли от храбрости, то ли со страху ткнул он это чудовище ножом. Оно вскрикнуло и упало. Подошли мы, приподняли его белый балахон, и что же? Это же наш односельчанин, большой выдумщику и шутник. Видно, вздумал нас напугать. Накинул на себя простыню и стал на ходули. Вот и напугал. Скончался он у нас на руках. Потом его, как положено, похоронили. А Тарасику ничего за это не было. Даже судить не стали.

Слушатели помолчали. Довгопольный усмехнулся:

– Мы тут как на Бежином лугу. Там тоже было много рассказано страшных историй...

Гладиголова ему возразил:

– Так, да не так! У ребят там горел костёр, и они полёживали себе на мягкой траве, на тёплой земле. А тут...

А тут, действительно, было гораздо хуже. Сапоги у солдат отсырели, шинели были грязные и мокрые. Становилось зябко, да и хотелось уже спать.

Дорощенко вбил окурочку каблуком в землю и предложил:

– А теперь я расскажу вам одну историю. Но не страшную, а скорее забавную. Я её от своего дядьки слышал, брата отца.

«На фронте мой дядька жил одно время в землянке вдвоём с товарищем, тоже офицером. И вот к этому товарищу приладилась ходить ночами одна женщина. То ли санитарка она была, то ли телефонистка – дело не в этом. Отгородятся они в уголке плащ-палаткой и занимаются своим делом. А ведь всё хорошо слышно.

Однажды этого товарища куда-то услали на всю ночь. А дядька взял и лёг на его койку. Так... на всякий случай.

Ночью пришла эта подружка, разделась и нырнула к нему под одеяло. Ну, дядька не растерялся и своё не упустил. Она ему шепчет что-то, а он ей через губу всё «угу» да «угу». Ладно, уснули они.

Утром в оконце просочился свет. Женщина взглянула в лицо дядьки и охнула. С гневом вскочила: «Как тебе не стыдно!» А дядька ей: «Почему мне должно быть стыдно? Ты сама ко мне подлегла».

А тот товарищ, когда вернулся, перестал с дядькой разговаривать. Видно, нажаловалась ему подруга».

Слушатели одобрительно посмеялись. Рассказ всем понравился.

Ожидание, однако, затянулось. Охотник сидел в своём газике и, наверное, спал. И шофёр грузовика спал, положив руки на руль и склонив голову.

– А теперь, – сказал Довбня, – пусть нам что-нибудь расскажет Шквыря из своей шахтёрской жизни.

Остальные поддержали:

– Давай, расскажи, Виктор! Ты много знаешь всяких историй!

– Ну так что ж! – начал Шквыря. – Был у нас занятный случай. Бабы в шахте изнасиловали мужика. В ночной смене было дело. Перевязали они ему шнурком яйца у самого основания, и получился так называемый сухостой. Это когда мужик уже не может, а у него всё не опадает. Вот бабы подходили по одной самообслуживались. Мужика потом отвезли в больницу и лечили, а баб судили и посадили.

– Вот это да! – заговорили солдаты. – У вас там, Шквыря, работа не просто опасная, а вдвойне опасная. Этак приловят...

– Не приловят, – успокоил всех Шквыря. – Женщин с подземных работ давно убрали. Одни мужики работают. Так что приезжайте к нам в Донбасс. У нас на угледобыче зарплаты большие!

– Нет, я бы не поехал, – раздумчиво произнёс Гетманенко. – У нас на Гуцульщине лучше. Одна природа чего стоит! Красотища! Эх, братцы, какая хорошая стала жизнь в украинском колхозе! Я сегодня письмо из дома получил. Пока я убирал урожай на целине, у нас его тоже убрали. Богатый получился намолот, и все хорошо получили на трудовни. Скорее бы проходила служба да вернуться бы домой живым-здоровым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.